

СУБСТРАТ В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

На основе выявления топоформантов, топооснов, топонимических типов делаются попытки выявления топонимического субстрата на территории Восточного Забайкалья. Кроме этого, анализируются субстратные топонимы в структурно-словообразовательном отношении и их адаптация в фонетическом и словообразовательном аспектах.

Цель данной статьи – представить основные направления в изучении субстратной топонимии региона, на основе которых сделать выводы относительно характеристики субстратных наименований.

Вопрос об исторических условиях и формах взаимодействия языков представляет одну из важных проблем языкознания. Изучение проблемы взаимодействия языков должно происходить в непосредственной связи с историей соответствующих народов, с учетом этапа общественного развития, на котором эти народы находятся, а также с учетом лингвистической специфики взаимодействующих языков и наличия или отсутствия родства между ними [1. С. 70]. При объяснении особенностей исторического развития языков на протяжении нескольких веков лингвисты обращались к так называемой «теории субстрата». «Мысль о возможности влияния субстрата при образовании характерных особенностей языка была высказана еще в XV в., но широкое распространение эта идея получила в XIX и XX вв., особенно после появления работ известного итальянского лингвиста Асколи, более подробно исследовавшего возможные результаты влияния субстрата на романские языки» [2. С. 34].

Существует несколько определений понятия «субстрат», которые в совокупности достаточно четко дают представление данному языковому явлению: «Субстрат – дословно подкладка. Из лат. *substratum* – «подкладывать, подстилать». Тот топонимический (языковой, этнический) слой, который не объясняется из современных языков, а принадлежит языкам предшествующих народов, отдельные элементы этого слоя сохранились в языке последующих поколений и более четко в географических названиях, не поддающихся этимологиям без специальных научных изысканий» [3. С. 25]; «субстрат – слой в языке, оставшийся от предшествующего побежденного языка» [4. С. 141].

Понятие «субстрат» первоначально было использовано при рассмотрении проблем общего языкознания. В исследованиях же топонимического характера данный термин начинает приобретать специфическое понимание. А именно, субстрат в топонимике – «язык топонимии всякого иного населения данной территории, которое предшествовало по времени населению ныне доминирующему в пределах этой же территории, независимо от степени генетического родства языков того и другого населения» [4. С. 82]. Таким образом, топонимический субстрат – «элемент или элементы языка, исчезнувшего на данной территории в топонимии этноса, населяющего эту территорию в исследуемый период» [5. С. 149]. Соответственно, субстратный топоним – иноязычный топоним (или элемент топонима), вошедший в топонимическую систему данного этноса на данной территории из топонимии предшествующего этноса на той же территории.

Необходимость выделения термина «топонимический субстрат» обусловлена тем, что в отличие от других видов языкового субстрата топонимический субстрат обладает такими качествами, как наглядность, достоверность, системность, а также является важным и надежным источником информации о вымерших (субстратных) бесписьменных языках, т.к. «субстратные по происхождению черты функционирующего языка далеко не всегда имеют системный характер» [6. С. 58]. Так, по мнению Р.А. Агеевой, следы субстрата могут быть совершенно стерты в данном языке (или их вообще может не быть) и могут быть совершенно отчетливы в топонимии данного района [4]. Поэтому данные топонимии имеют большую значимость при изучении языкового субстрата.

По мнению Б.А. Серебренникова, «...всякий вывод о возможности влияния субстрата получает более или менее прочное обоснование лишь в том случае, если он опирается на целый комплекс причинно связанных данных», одним из которых является «...обязательное наличие общей топонимики или топонимики одного типа на территории смежных языков, имеющих общие черты» [2. С. 52]. Общность топонимики является необходимым показателем того, что на данной территории происходило так называемое внутрорегиональное контактирование, без которого невозможно вообще говорить о влиянии субстрата.

В состав топонимов любой территории входят элементы различных языков и эпох. А топонимика, как известно, является достаточно надежным источником для историко-лингвистических исследований, для изучения вымерших языков, функционировавших на конкретной территории. В связи с этим возрастает значение субстратной топонимики для изучения древнейших языковых отношений на определенной территории [7. С. 64].

Изучение субстратной топонимии Восточного Забайкалья до сих пор изучено недостаточно. Вообще, в исследованиях топонимии данного региона понятие «субстрат» использовалось достаточно редко. Так, М.Н. Мельхеев, анализируя топонимию Читинской области, сравнительно древними географическими названиями, имеющими наибольшее распространение на территории Иркутской и Читинской областей, считает топонимы эвенкийского происхождения. Наиболее отличительными признаками, позволяющими распознать эвенкийские названия, М.Н. Мельхеев называет суффиксы и частицы при эвенкийских топонимах: *-кан, -кэн* (суффиксы уменьшительной формы), *Чита-Читкан; -нга, -ндя* (суффиксы почтительного отношения, увеличительной формы), *Ханчеранга* и т.д. Кроме названных признаков, указывающих на наличие тунгусоязычной топонимии, М.Н. Мельхеев выделяет и следы других племен: кетоязычных, самодийских, тюркоязычных [8].

В.Ф. Балабанов, анализируя топонимы иноязычного происхождения, выделяет только эвенкийские и бурято-монгольские элементы в составе топонимов, таким образом давая лишь этимологию названия [9].

Немалый вклад в изучении субстратной топонимии региона внесли такие исследователи, как П.Б. Балданжапов, С.А. Гурулев. Так, С.А. Гурулев выделяет топонимы, возникшие в результате взаимодействия енисейских языков и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков.

Более глубокий анализ топонимической системы Прибайкалья и Забайкалья присутствует в монографии Л.В. Шулуновой «Ономастика Прибайкалья», где выявляется языковое разнообразие в области топонимии, делается попытка выявления топонимического субстрата, рассматривается процесс адаптации иноязычных географических названий в русском языке [10]. Автор монографии делает вывод о существовании монгольского субстрата в топонимии Прибайкалья.

Следует заметить, что необходимым условием выявления топонимического субстрата на определенной территории является стратификация топонимов, т.е. выделение слоев топонимии. Под стратиграфией в топонимике можно понимать наличие слоев, имеющих определенную пространственно-временную характеристику, а под стратификацией – установление или выделение таких слоев исследователем [4]. Исследование ономастических, а именно топонимических явлений должно происходить «в их хронологической последовательности при сопоставлении синхронических срезов» [5. С. 85].

Исторически территория Восточного Забайкалья представляет собой пример внутрирегионального контактирования языков различных этносов.

В исследовании субстратной топонимии данного региона, предпринятом Р.Г. Жамсарановой и Л.В. Шулуновой [11], выделяются существующие стратиграфические пласты, включающие географические названия, объединенные предположительным языковым происхождением: палеоазиатский субстрат, тюркоязычный, угро-самодийский, тунгусоязычный, монголоязычный и славяноязычный пласты. Предложенная стратиграфия может быть соотнесена с историей заселения края и находит свое подтверждение на топонимической карте региона, где топонимы, имеющие разную языковую принадлежность, образуют ареалы своего распространения [12. С. 87].

Субстратная топонимия Восточного Забайкалья во многом определяется особенностями заселения, природных условий и национального состава населения. Территория Восточного Забайкалья была заселена человеком с давних времен. На всей территории региона русские являются пришельцами, ассимилировавшими неславянское население, создавшее своеобразную субстратную топонимию, характеризующуюся общими фонетическим единством и специфическими структурно-словообразовательными типами [6. С. 62].

Следует заметить, что использование основных правил реконструкции древней топонимической лексики, разработанные А.М. Селищевым, Б.А. Серебренниковым, А.К. Матвеевым, А.П. Дульзоном и др., не может быть применено в полной мере к данному региону

ввиду малоизученности аборигенного глоттогенеза, отсутствия необходимого историко-лингвистического материала, недостаточности научной информации о межъязыковых контактах. Несмотря на это, в процессе исторического формирования и становления любой топонимической системы можно наблюдать взаимопроникновение и сосуществование генетически разнородных этнолингвистических наслоений, составляющих ядро имевших место в прошлом языковых контактов. Кроме этого, отличаясь достаточно высокой степенью устойчивости, топонимы характеризуются исключительной преемственностью, поскольку при переходе одной и той же территории от одного народа к другому или при письменном и устном заимствованиях маловероятно переименование какого-либо географического объекта [13. С. 9].

На основе уже имеющихся исследований субстратной топонимии Восточного Забайкалья (В.Ф. Балабанов, С.А. Гурулев, П.Б. Балданжапов, М.Н. Мельхеев, Л.В. Шулунова, Р.Г. Жамсаранова) можно сформулировать некоторые выводы относительно семантики и структуры субстратных топонимов региона.

По мнению А.К. Матвеева, изучение субстратной топонимии Восточного Забайкалья целесообразно вести с выявления общих элементов (топоформантов и топооснов) с последующим установлением топонимических типов и их классификации [7].

Чтобы охарактеризовать субстратную топонимию в данном случае, следует предварительно выявить топоформанты и топоосновы, топонимические типы и характер адаптации.

Одним из эффективных приемов этимологизации субстратных топонимов является их сопоставление с заимствованными апеллятивами, т.к. в период возникновения первых собственных имен основой для их формирования могли быть только имена «нарицательные». Использование апеллятивных заимствований при этимологизации формантов (детерминантов) субстратных топонимов обуславливается прежде всего тем, что в качестве топонимических формантов-детерминантов обычно употребляются географические термины, которые в то же время составляют одну из важнейших групп апеллятивных заимствований [6]. В данном случае А.В. Суперанская отмечает нетерминологичность названия «географические термины», т.к. «...слово термин подразумевает строгость выделения обозначаемого им понятия, и то, что в топонимии называют местным географическим термином, не бывает, как правило, связано с единым и четким понятием и выходит за пределы данного места» [14. С. 42]. Поэтому не случайно, что один и тот же апеллятив может образовывать различные виды топонимов.

В качестве таких апеллятивов на территории Восточного Забайкалья употреблялись слова, связанные с прямым дифференциальным обозначением объектов: гидрографического или орографического характера объект.

Рассмотрим несколько примеров.

Топонимический формант (детерминатив)	Топоним	Заимствованный апеллятив	Значение заимствованного апеллятива
ул	Улей Улутуй Улилей	ул, уль	(кет.) вода, река

хол	Холой Хола	холой хоолой	(монг.) пролив, рукав реки
тур	Тура	тур	(эвенк.) земля, поч- ва
шур	Шуруга	шур, шор	(удм.) река
энгор	Энгорок	энгер	(мар.) река
ел, ол	Елкинда Оля Оленгуй	эль	(коми) лесной ручей
-кса	Икса	икса	(мар.) небольшая речка

Безусловно, выявление и интерпретация детерминантов позволяют соотнести топонимический материал с географическими объектами и установить значения тех топооснов языка-источника, которые связаны с областью географической терминологии [6].

Для Восточного Забайкалья данный фактор не всегда является определяющим, т.к. одной из особенностей топонимии края является тот факт, что рекам, вытекающим из одной и той же горы, давались одинаковые названия, добавлялось лишь указание на расположение объекта по отношению к сторонам света, к самой горе или к какому-либо другому объекту: северная, южная, правая, левая и т.д., а затем уже по названию реки присваивалось имя населенному пункту. Таким образом, один и тот же топоним «обслуживал» три географических объекта: ороним → гидроним → ойконим. Из этого следует, что соотносительность топонима с географическим апеллятивом и географическим объектом не всегда находит свое подтверждение. Например, в названиях населенных пунктов Улей, Улётка, Улёты, Улястуй, Улятуй выделяется топонимический детерминант *-ул*, который представляет собой заимствованный апеллятив из кетского языка со значением «вода», «река». Если ойконим Улятуй можно соотнести с гидронимом Улятуй (оба топонима находятся в Оловянинском районе), то остальные ойконимы соотнести с водным объектом нельзя ввиду отсутствия такового. В таком случае остается только предполагать либо о наличии в прошлом в тех местах водных объектов, либо согласиться с версией М.Н. Мельхеева, что указанные названия произошли от этнонима *элэд* (*олэд*, *улэд*) – названия одного из калмыцких или ойротских племен [15. С. 90–91].

А.К. Матвеев различает в субстратной топонимии пять групп географических терминов, которые по мере проникновения в русские говоры используются в роли топонимов или компонентов топонимов (детерминативов). 1-я группа – термины встречаются только в роли детерминативов, случаи их самостоятельного употребления в качестве топонимов неизвестны, в лексике местных русских говоров термины не засвидетельствованы; 2-я группа – термин известен как детерминатив и в самостоятельном топонимическом употреблении, но отсутствует в лексике русских говоров; 3-я группа – известны все три случая бытования термина; 4-я группа – термин известен в самостоятельном топонимическом употреблении; 5-я группа – термин не известен в роли детерминатива, но обычен в самостоятельном употреблении и бытует в лексике местных русских говоров [16]. Для исследуемого региона в основном характерны термины, известные не только в топонимическом употреблении, но и бытующие в лексике местных русских говоров [17].

На исследуемой территории также зафиксированы этнотопонимы, которые можно рассматривать как субстратные и которые содержат ценную информацию о дорусском населении региона, о пребывании в прошлом на территории Восточного Забайкалья различных этносов.

Этноним, геноним, экзо- ним, самоназвание	Топоним
ассаны	Асакан, Аца, Ашаглей, Ашенга, Асиновка
котты	Котый, Катаево
юг(и)	Юговское, Югал
кэрэиты	Дунда-Киреть
шивэй	Шевея, Шиванда, Барун-Шивея, Зун-Шивея, Шивки, Шивия
мохэй	Мохэй
даур/дагуур	Дайгур, Даурия
шивэр/сивыр	Мухор-Шибирь, Хара-Шибирь, Шиверы

Следующей ступенью в изучении субстратных топонимов является выявление топоформантов, распределение субстратных топонимов на группы, объединенные единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения, что способствует определению топонимических типов. Изучение топонимического типа, представленного большим числом названий, позволяет точно установить его ареал, определить фонетическую структуру, а также путем сравнения с другими типами выявить общие топоосновы [6].

Анализ субстратных топонимов в структурно-словообразовательном отношении позволяет говорить о существовании на территории Восточного Забайкалья около 60 топонимических типов. Так, среди гидронимов как самой устойчивой и самой многочисленной группы «онимов» значительную группу составляют названия на *-екан*, *-икан*, *-акан*: выявлено 70 наименований водных объектов (Байцакан, Кулиндикан, Марокчикан, Бирюкан, Тангакан, Ильдикан, Сакукан, Бурюндикан и др.). Проведенная корреляция (Байцетуй – Байцакан, Калга – Калгукан) позволяет выделить формант «гл. + -кан», «согл. + -кан». Чаще всего встречается тип «гл. + -кан». Многочисленные группы составляют словообразовательные типы с топоформантами эвенкийского происхождения: «гл. = -нга» (Куэнга, Яманга, Елонга, Таменга и др. – 40 наименований); «гл. + -кта/-хта» (Курлукта, Бугарикта, Кавакта, Бугарихта и др. – 50 наименований); «гл. + -нда» (Никсанда, Шивыкинда, Силинда, Секаланда и др. – 70 наименований); «гл. + -чи» (Кусочи, Кудечи, Бугаричи, Шоничи и др. – 60 наименований).

При установлении ареалов распространения выявленных формальных типов можно обнаружить, что топонимы с большим числом эвенкийских топоформантов охватывают северные районы региона: Могочинский, Каларский, Тунгино-Олекминский, Тунгокоченский, Кыринский районы. Кроме этого, распространение подобных названий в небольшом количестве в районах, находящихся не в северной части региона (Чернышевский, Читинский, Хилоцкий, Чикойский, Улётовский), свидетельствует о былом заселении этих мест народами тунгусского происхождения.

Аналогичные примеры с установлением словообразовательных типов можно показать также на бурято-монгольских топоформантах. Так, гидронимы с топо-

формантом *-туй* насчитывают 250 названий (Могойтуй, Улугуй, Шэбэртуй, Джаргалантуй, Арангатуй, Булактуй, Арашантуй, Тыргетуй и др.), с топоформантом *-тай(-той, -тэй)* 90 названий (Касуртай, Тулутай, Чиндагатай, Тарынтэй, Шаратай, Кокертай и др.). Ареал распространения – местности с преобладающим числом местных жителей-бурят (Агинский, Дульдургинский, Могойтуйский районы). Распространение названий с бурятскими топоформантами в районах, где преобладает русское население (Читинский, Хилокский, Чикойский, Улётовский, Кыринский, Акшинский, Ононский), также свидетельствует о «дорусском» периоде расселения бурят на этих территориях.

В меньшей степени распространены наименования с топоформантами, представляющими угро-самодийский пласт: *-рга* (Дульдурга, Шойдерга, Итырга, Допхарга, Хаверга, Азырга – 13 названий); *-ша* (Харганоша, Жипкоша, Гукша и др. – 14 названий); *-ма* (Целхема, Зардама, Богдалама, Дюлюшма и др. – 12 названий). По мнению Р.Г. Жамсарановой, наименования с выделенными топоформантами «указывают на присутствие если не языка, то на диалектные вариации в любом случае» [12. С. 106].

Необходимо заметить, что при изучении субстратной топонимии данного региона делать выводы о топонимическом субстрате, опираясь только на выявление и систематизацию словообразовательных типов, нельзя. Этот метод дает положительный результат в том случае, если иноязычная топонимика выступает по отношению к русскому языку как субстрат. В нашем случае анализ названных словообразовательных типов характеризует в большинстве случаев только вторичный этап заселения края и образования топонимов. Приведенные примеры свидетельствуют, что топонимия субстратного языка усваивалась чаще всего через язык-посредник, что говорит о наличии на данной территории не только субстратной, но и субсубстратной топонимии. Например, Кусотуй = (кет.) *ку* + (бур.) *-туй*; Шиванда = *Шивей* – название племени домонгольского периода XVI–XVIII вв. н. э. + (эвенк.) *-нда*; Бурукан = (тюрк.) *бурун* + (эвенк.) *-кан*.

Сложная топонимическая стратиграфия значительно осложняет восстановление субстратных основ топонимов. А восстановление первоначальной формы субсубстратных топонимов, видоизмененных благодаря двукратной адаптации двумя различными языками, еще более осложняет эту задачу [18. С. 40]. Для данного региона можно выделить следующие ситуации: 1) адаптация русским языком топонимов палеоазиатского, угро-самодийского, тюркского, монголоязычного и тунгусо-маньчжурского происхождения; 2) адаптация тюркских топонимов угро-самодийским, монгольским и эвенкийским языками; 3) адаптация топонимов палеоазиатского, угро-самодийского происхождения языками монгольского и тунгусо-маньчжурского происхождения. Данный факт свидетельствует о более позднем освоении региона монголоязычными и эвенкийскими народами. Возможно, мы указали не все звенья процессов адаптации, но представленные ситуации еще раз подтверждают факт освоения региона этнически неоднородными общностями, факт взаимодействия различных этносов на определенных этапах сосуществования на территории Восточного Забайкалья.

Так как основным направлением для нашего исследования является русская топонимия, то и характер адаптации, т.е. тип усвоения субстратных топонимов, мы будем представлять только с позиции адаптации субстратных топонимов русским языком.

Иноязычные географические названия начинают адаптироваться по законам русской фонетики и словообразования. Имя того или иного объекта воспринималось без разграничения, тюркское оно или эвенкийское, как знак, который следовало приспособить к своим привычным нормам произношения. С помощью русских топообразующих формантов проводилась морфологическая адаптация нерусских названий.

Адаптированное имя – это иноязычное имя собственное, приспособленное к «своему» языку при длительном его употреблении наряду с исконными именами. Адаптация выражается в фонетических, морфологических и лексических изменениях имени. Так как эти процессы не обязательно совмещены, следовательно, можно говорить о фонетической, морфологической, лексической адаптации раздельно [5].

По мнению М.Н. Мельхеева, «...русифицирование географических названий – это вполне естественный, закономерный процесс, неизбежный при том очень большом социально-экономическом языковом контакте между русскими и бурятами, достигнутом в современную эпоху» [8. С. 55].

Фонетическая адаптация бурятских топонимов в русском языке имела свои определенные закономерности, связанные с особенностями бурятского алфавита. Так, в бурятском языке три звука не имеют соответствий в русском языке и алфавите, и русское население начинает произносить бурятские названия в соответствии со своими произносительными нормами, что, безусловно, находит отражение в топонимии, закрепляясь в новом произношении среди местного населения и затем на географической карте.

Достаточно подробно фонетические особенности бурятского языка описал М.Н. Мельхеев [15]:

– *ӨӨ* – произносится как русское *О*, но при более высоком подъеме языка. При транскрибировании на русский язык этот звук передается как *о* (*Дурөө – Дуро*);

– *У* – произносится как русское *У* с немного вытянутыми губами при более высоком подъеме языка. Транскрибируется как *у* (*Ухэр – Ухыр*);

– *Һ* – произносится приблизительно как украинское *Г*, но с меньшей звучностью. Этот звук передается на русский язык через *с* или через *х* (*Хогоото – Хогото*);

– долгие гласные, которые передаются посредством двух букв, при транскрибировании на русский язык обозначаются одной буквой: *аа – а* (*Аршаан – Аршан*), *оо – о* (*Боомо-Бом*), *уу – у* (*Дубуун – Дубун*), *ии – и* (*Ылим – Илим*), *еэ – ей* (*Улез – Улей*), *яа – я* (*Уляаһанта – Улясатуй*) и др.;

– бурятские дифтонги оформляются в русском языке через *ай – ай* (*Тарбагатай*), *ой – ой* (*Онохой*), *эй – эй* (*Хуртэй*) и др.;

– краткий гласный *э*, находящийся в первом слоге слова, передается через *ы* (*Хэрмэ – Кырма*, *Хэрэн – Кырен*); *ы – уй* (*Хунды – Кундуй*); *э – а* (*Хурбэ – Курба*); *э, а – у* (*Дараһан – Дарасун*); *та, то, тэ – уй* (*туй*) (*Дархита – Дархитуй*) и др.;

– согласный *X* в топонимах реализуется в качестве *K* (*Бэрхэ – Бырка*).

По мнению Л.В. Шулуновой, «...в целом фонетическая адаптация бурятских топонимов в русском языке аналогична адаптированию апеллятивной лексики, где освоение заимствованного слова означает подчинение его законам русской звуковой системы и орфоэпическим нормам языка» [10. С. 65].

Адаптация иноязычных географических названий под влиянием словообразовательных законов русского языка происходит с иных позиций. Если фонетическая русификация подразумевает только звуковое приспособление с соблюдением орфоэпических норм безотносительно к семантике, то преобразование топонимов с помощью русских аффиксов и по словообразовательным моделям русского языка происходит с учетом семантики того или иного аффикса. Так, для образования русских топонимов на основе иноязычных (в большей степени бурятских) использовались наиболее продуктивные аффиксы, распространенные на территории России. Например, для образования небольших населенных пунктов (деревень, маленьких поселений) характерно употребление суффиксов *-К-*, *-ОВК-*, *-УШК-*, *-ИШК-* (*Мухор-Шибирка, Артеушка, Ямаровка, Молоканка, Красные Борзишки*), для обозначения более крупных населенных пунктов (городов, поселков городского типа, больших сел) употреблялись суффиксы *-ОВО-*, *-ЕВО-*, *-СК-*, *-ИНСК-* (*Нуринск, Номоново, Нерчинск, Олинск*). Следует заметить, что среди ойконимов (названий населенных пунктов) этот процесс был не особенно активен, гораздо активнее словообразовательная адаптация наблюдалась среди гидронимов (названий водных объектов). Наиболее продуктивными в русских гидрообразованиях являются суффиксы *-К-*, *-СК-*, *-ИХ-*, *-АНК-*, *-ЯНК-*, *-ИНК-*, *-УШК-*, *-ЮШК-*, *-ОВК-*. Такие суффиксы, как правило, использовались при назывании маленьких рек, ручьев, проток (*Аршанка, Карымка, Уланка, Чанкинка, Марекушка, Яроктинка, Мамачиха*).

Для оронимов (названий гор, хребтов, падей) характерен в основном тот же набор суффиксов, что и для гидронимов, но в большей степени здесь распространены *-К-*, *-СК-*, *-ИНСК-* (хребет *Мензинский*, гора *Косурка*, хребет *Малханский*, гора *Кусотка*).

Нами рассмотрены лишь два вида адаптации иноязычных топонимов: фонетическая и словообразовательная. На основе их анализа можно сделать вывод, что процесс адаптации географических названий отражает языковое взаимодействие народов, населявших и населяющих Восточное Забайкалье. Возникшие топонимы сыграли определенную роль в становлении топонимической системы данного региона.

Помимо названных типов усвоения субстратных топонимов русским языком, следует отметить особые случаи проявления взаимодействия языков в сфере топонимии, а именно гибридные названия. «Под гибридными названиями имеются в виду топонимы, содержащие гетерогенные составные части в особом отношении, а именно: субстратный элемент в форманте, русский – в основе» [6. С. 84]. Топонимы такого рода, по мнению А.К. Матвеева, могли возникнуть в следующих случаях: при проникновении в язык субстрата русских заимствований;

при «реализованной» народной этимологии субстратных названий на русской почве; при втягивании русских названий в ряд субстратных топонимов [6]. К гибридным названиям Восточного Забайкалья стоит отнести такие названия, которые возникли в результате заимствования русскими говорами соответствующего географического термина, утраченного впоследствии в качестве апеллятива, но зафиксированного топонимией: с. Булак от (тюрк., монг.) булак – «источник»; р. Сакукан от (эвенк.) саку – «место, окруженное горами» [17]. Как отмечает А.К. Матвеев, «...доказать это в конкретных случаях очень трудно, хотя имеются отдельные факты, подтверждающие, что некогда русскому населению были известны такие заимствованные апеллятивы, которые в настоящее время отмечаются только в топонимии» [6. С. 85]. Гибридные названия представляют интерес в том отношении, что могут указывать на генетическую связь определенных топонимических формантов с последним до-русским пластом. В то же время эта группа топонимов свидетельствует как о возможности своеобразной «обратной связи» в топонимии, так и о глубоком взаимопроникновении контактирующих языков в этой области [6].

В результате длительных взаимных контактов русских с коренным населением Забайкалья, в процессе взаимодействия разных языков сформировались разные варианты билингвизма, что нашло свое отражение в топонимии. При изучении топографических карт крупного масштаба на исследуемой территории можно встретить параллельные названия, прилагаемые к одному объекту либо к смежным, которые принято называть метонимическими кальками. Параллельные названия, относящиеся к одному объекту на карте, как правило, фиксируются в скобках: Хужарта – Солонцовая. Существование метонимических калек позволяет допустить, что на данной территории многие чисто русские названия (Волчья, Каменная) представляют собой кальки субстратных топонимов.

Кроме этого, структурно-словообразовательный анализ субстратной топонимии исследуемого региона позволил сделать некоторые выводы. С формальной точки зрения (структурно-словообразовательной), топонимы можно классифицировать на следующие группы: 1) собственно-субстратные топонимы, включающие субстратную основу и один или два субстратных топоформанта: *Кокер-тай, Улу-туй, Бальса-туй, Байца-кан, Чинги-кан*; 2) топонимы с субстратной топоосновой и русскими словообразовательными аффиксами: *Шаки-инское*; 3) неаффиксальные образования: *Унда, Хола*; 4) двукомпонентные сложные топонимы с различительно-выделительной атрибутивной частью субстратного характера: *Зун-Торей* (*зун* – восточный), *Барун-Торей* (*барун* – западный); 5) двукомпонентные сложные топонимы, где различительно-выделительная часть русского происхождения, вторая часть – собственно субстрат либо субстратная топооснова, одоженная русским топоформантом: *Большая Шойдерга, Средняя Нарымка*.

Безусловно, приспособление субстратных топонимов к русской фонетической и морфологической системе – длительный процесс, изучать который предстоит длительное время. «Изучение взаимодействия языков в топонимике дает возможность реально представить сложность путей формирования системы субстратных топонимов и выработать новые конкретные приемы их интерпретации» [6. С. 86].

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкая А.В. К вопросу о взаимодействии языков // Доклады и сообщения. Институт языкознания. М., 1956. Вып. 9. С. 70–78.
2. Серебренников Б.А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения. Институт языкознания. М., 1956. Вып. 9. С. 33–57.
3. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974. 382 с.
4. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004. 256 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. 198 с.
6. Матвеев А.К. Ономатология. М., 2006. 292 с.
7. Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ. 1964. № 2. С. 64–83.
8. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969. 316 с.
9. Балабанов В.Ф. В дебрях названий. Иркутск, 1977. 80 с.
10. Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ, 1995.
11. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003. 128 с.
12. Жамсаранова Р.Г. Географические имена собственные Восточного Забайкалья. Чита, 2005. 208 с.
13. Фролов Н.К. Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков. Новосибирск, 1991. 96 с.
14. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э. и др. Теория и методика ономастических исследований. М., 2007. 256 с.
15. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969. 186 с.
16. Матвеев А.К. Типы бытования географических терминов в субстратной микротопонимии Русского Севера // Местные географические термины. Вопросы географии. М., 1970. Сб. 81. С. 106–119.
17. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.
18. Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // ВЯ. 1959. № 4. С. 35–46.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 октября 2007 г.